

Святослав Логинов

Гибель замка Рэндол



Святослав Логинов
Гибель замка Рэндол

«Автор»

2006

Логинов С. В.

Гибель замка Рэндол / С. В. Логинов — «Автор», 2006

Каждую полночь Вильгельм Рэндол вынужден переживать ужасную трагедию – гибель собственных сыновей. Именно такое страшное проклятие наложил на него коварный маг Эхоу. Вильгельм уже начинает терять надежду спасти своих детей, но неожиданно к нему приходит представитель таинственного магического конклава. И только вместе они смогут остановить, стремящегося к всемогуществу Эхоу, и спасти сыновей Рэндола...

© Логинов С. В., 2006

© Автор, 2006

Святослав Логинов

Гибель замка Рэндол

Нет ничего живее несвоевременной смерти. Петух с отрубленной головой носится по двору, хлопая крыльями, как при жизни не доводилось, и разве что вместо громогласного кукареканья рвутся из пересечённой шеи кровавые брызги. Выделявая невиданные коленца, пляшет удавленник в петле. И даже умирающему от тяжкой, все соки вытянувшей болезни, за день до кончины возвращается юношеская живость.

Среди орудий несвоевременной смерти живее всех – огонь.

Огонь родился под центральной лестницей, чьё дубовое великолепие скрывало каморку, полную самого дрянного барахла, стащенного нерадивыми слугами. Пыль, тряпки, разошедшаяся мебель, вытащенная из людской и не донесённая до свалки, ветошь, рухлядь, сор... всё это занялось разом, словно маслом плеснули, запылало, заиграли языки пламени, лестницу заволокло дымом, отрезавшим обитателям замка путь к выходу.

– Пожар! Горим!.. – нет этого крика. Пусты залы, длинные переходы, комнаты челяди. Никто не пытается спастись, никто не пытается бороться с пожаром. Тёмные окна одно за другим освещаются одичалым, вырвавшимся на свободу огнём, и через минуту за недавно тёмными проёмами уже не переходы и не парадные залы, а воющая стихия. И лишь в одном окне на третьем этаже умирающего дома мерцает тихий прирученный огонёк – ночник или лампадка. Но вот там замелькали всполошенные тени, и, наконец, ударил отчаянный крик погибающих. Кричали в два голоса: один чуть постарше, второй совсем детский, тонкий дискант. Кричали долго, обычно дым заставляет умолкнуть раньше. А потом свет ночника потерялся в грандиозной иллюминации, и слышался лишь хруст, треск рушащихся балок, и снова хруст, с которым пирующая смерть пережёвывала добычу.

Замок был охвачен огнём от основания до самой крыши, только одна башня, нелепо прислонённая к правому крылу здания, древняя, выстроенная в те времена, когда замок был ещё не дворцовой усадьбой, а крепостью, мрачно возвышалась над рушащимися стенами. Огонь обходил её стороной, да и чему было гореть среди голого камня? И когда с грохотом обвалилась крыша и стены верхних этажей, башня осталась неколебимой.

Человек, наблюдавший за бедствием с дальнего холма, отвёл взгляд, прикрыл ладонью глаза, чтобы привыкли к окружающей тьме, немного спустился в сторону ложбины, где ожидал стреноженный конь, и начал разжигать свой, мирный огонь. Отобрал среди заранее набранного хвороста сучья потоньше, сложил их костром, повесил котелок с водой. Потом, не доставая огнива, провёл над ветками ладонью, и костёр запылал разом, ярко и празднично. Человек, сидящий у костра, понимал толк в огне и, наблюдая за пожаром, видел, как бессмысленно его тушить и бесполезно пытаться спасти хоть кого-нибудь.

* * *

– У тебя есть право первой ночи?

– Согласно каноническому своду – есть, но в нашей стране такое не принято, и я не чувствую себя вправе пользоваться им.

– Так и не пользуйся, отдай его мне.

– Кто тебе мешает? Иди в деревню, – деревенские девки покладисты – уговаривай, подкупай, соблазняй... Но не называй при этом моё имя. Право первой ночи – дикий, варварский обычай, я рад, что он отошёл в прошлое даже в тех странах, где прежде процветал.

– Как видишь, не вполне отошёл.

– Мне очень жаль, если это так.

– Не думал я, что хозяин Рэндол-замка столь негостеприимен...

И без того мрачное лицо лорда потемнело ещё больше.

– Я думаю, у тебя нет причин для недовольства. Ты просил в своё распоряжение башню – ты её получил. Ты живёшь в замке уже полгода, занимаешься чем хочешь и распоряжаешься как хозяин. Я ни разу не упрекнул тебя, хотя твоим требованиям нет конца. Но сейчас я говорю: «Нет!»

– Не упрекнул? А кто секунду назад ставил мне в вину, что я посмел ютиться в старой полуразваленной башне? Не беспокойся, я скоро уйду, и ты получишь свою драгоценную башню целой и невредимой. Но сначала ты прикажешь, чтобы невесту привели ко мне. В конце концов, я не желаю жить монахом.

– Я господин своим крестьянам, но не тиран. Такого приказа я не отдам. А что касается тебя, то я хлебосольный хозяин, а не слуга. И без того в округе говорят, что ты околдовал меня и скоро потребуешь себе в башню мою жену.

– А что... – лицо волшебника искривилось в усмешке. – Это неплохая мысль. Пожалуй, я откажусь от деревенской дурочки. Леди Рэндол, прелестная Беатрис, вполне заменит её.

– Ты уйдёшь не скоро, а прямо сейчас! – гневно перебил колдуна лорд. – Забирай своё барахло и уходи! К вечеру тебя не должно быть в моём доме.

– Спасибо, добрый хозяин, – поклонился колдун, пряча усмешку. – Ты уже сегодня получишь свою башню вместе со всеми своими дарами. И не беспокойся, я больше не собираюсь сюда возвращаться.

К вечеру маг и впрямь покинул замок. Уезжал он налегке, так же как и приехал, не взяв ничего из весьма дорогих вещей, что были ему поднесены добровольно, и что он самым бессовестным образом вытребовал у лорда Рэндола.

– Я боюсь этого человека, – шепнула леди Рэндол мужу, когда незваный гость скрылся наконец за холмами. – Не к добру он явился, не к добру и уезжает.

– Он уже уехал, – успокоил жену Рэндол. – И я надеюсь, что он и впрямь больше не вернётся.

– Мне кажется, что он уехал не по-настоящему, что на самом деле он затаился в башне и смотрит оттуда.

– Я сегодня же проверю башню, а завтра с утра прикажу вынести всё, что там найдётся, и сжечь. Саму башню отремонтируем... или нет, лучше всего её снести напрочь. Так будет спокойнее.

– Ты замечательно придумал. Только туда мы пойдём вместе. Я боюсь оставаться одна и боюсь отпустить тебя одного.

– Хорошо, пойдём вместе. В башне нет ничего страшного, я ещё в детстве облазил её всю до последнего уголка. Это просто поветшавшее укрепление, которое уже сто лет, как потеряло всякий смысл. Его давно пора разрушить.

Казалось бы, после этих слов лорд с супругой должны направиться к обречённому строению, но они, не сговариваясь, вошли в дом и поднялись на третий этаж, где в левом крыле находилась детская. Люди, прожившие в согласии много лет умеют понимать друг друга без слов.

Помещений во дворце было более чем достаточно – и парадных, и жилых; комнатушек челяди, и покоев, пустующих в ожидании знатных гостей. Но оба сына лорда Рэндола жили в одной не слишком большой комнате. Когда-то чета Рэндолов решила, что будет хорошо, если братья станут жить вдвоём, и так действительно было хорошо.

Обычно перед сном дети спускались во взрослые комнаты и желали родителям покойной ночи, но случалось и наоборот, так что никто не удивился поступку господ. Дети, испросив разрешения поиграть ещё немного, немедленно вернулись к выстроенной на полу крепости, которую они азартно штурмовали. Старшему сыну шёл уже тринадцатый год, и ему пора было

приобретать мужские привычки, но Рэндолы не спешили разъединять братьев. Когда мальчики вместе, один учится быть старшим, второй учится быть большим.

Полюбовавшись на играющих детей, лорд и леди также неспешно направились в столовую, где ждал поздний ужин. В округе было уже тихо, деревня ложится спать рано и встаёт засветло, одни лишь знатные господа ложатся за полночь и встают, когда на полях всюду кипит работа.

Часы, стоящие в гостиной пробили одиннадцать, когда чета Рэндалов собралась осматривать брошенное колдуном помещение. Внутри башни было совсем темно, и Рэндол взял масляный фонарь, висевший на крюке возле парадного входа. Дубовая дверь башни была распахнута, за ней чернела узкая, круто загибающаяся лестница. Чтобы попасть в помещения первого этажа нужно было по винтовой лестнице подняться наверх, а затем уже спуститься в обширный зал, в стенах которого слабо светлели узкие бойницы. Когда-то такое устройство затрудняло штурмующим возможность взять башню. Но последние двести лет оно затрудняло владельцам замка возможность хоть как-то использовать обветшалую твердыню. До недавнего времени башня стояла пустой, а полгода назад в ней обосновался явившийся неведомо откуда колдун, тот самый, что, проклиная хозяев за негостеприимство, убрался восвояси час назад.

Рэндол с женой поднялись на второй этаж. Зал встретил их пыльной нежилой пустотой. Не было даже мебели, втащенной на верёвках через специально прорубленное широкое окно. На третьем и четвёртом этажах – те же пыль и запустение. Казалось, здесь вовек никто не жил. Лишь когда по трухлявой лесенке, где легче переломать ноги, чем просто спуститься, они проникли в цокольный этаж, перед ними открылось жилище чародея. Старая массивная мебель, разошедшаяся и неудобная, – маг специально просил такую, говоря, что не может работать среди комфорта; жёсткая постель с колючими шерстяными одеялами, а из редкостей, вытребованных у хозяев, – скелет виверны в углу и коллекция палаческого инструмента. Все остальные дары исчезли бесследно.

– Как он это сюда затащил? – шёпотом спросила леди Рэндол.

– Точно так же, как забрал с собой всё остальное. Магам доступно многое, в том числе и алчность.

На круглом столе, придавленная камнем, лежала бумага. Лорд подошёл, глянул на каллиграфически выписанные буквы.

– Что там? – спросила жена.

– Ерунда! – ответил Рэндол и, скомкав записку, бросил её на пол. – Как всегда наш гость злобствует.

Леди Рэндол подошла к одной из амбразур, приподнявшись на приступок, устроенный для лучников, выглянула наружу.

– Дым! – воскликнула она тревожно. – Вильгельм, в доме пожар!

Подбегать к бойнице и смотреть Рэндол не стал. Едва не сломав лестницу, он взлетел на второй этаж, в три оборота прокрутился во двор. В сгущающихся сумерках стлался тяжёлый жирный дым, выползавший из дверей. Разноголосый крик нёсся из здания. Слуг в замке было много, казалось, вопит самый дом. От конюшен бежали с вёдрами, кто-то вышиб окно на втором этаже, но вся эта деятельность казалась ничтожной на фоне разрастающегося пожара.

Рэндол метнулся к дверям, но там его встретил такой плотный дым, что стало ясно – добежать к боковому крылу не удастся.

Окошечко швейцарской осветилось отблесками огня: пожар, доселе обозначавший себя лишь дымом, вырвался на волю.

В дверь не войти, до окон не достать; всё-таки усадьба строилась не как деревенский дом, а как замок. Правильной осады ему не выдержать, но и так просто в дом не ворваться.

Минута потеряна, пока Рэндол выводил из конюшни первую попавшуюся лошадь, и уже с её спины умудрился достать окно, вцепиться в раму и, изрезавшись осколками стекла, вва-

литься в геральдический зал. Портреты предков с угрюмым спокойствием смотрели со стен. В истории рода Рэндалов случалось немало пожаров – не привыкать...

Задержав дыхание, он пробежал галерею, уже заполненную дымом. В боковом флигеле дыма было меньше, что вселяло надежду. К тому же, Рэндол слышал крики детей и няньки. Значит, живы...

Огонь выметнулся навстречу, успев неведомыми путями пройти сквозь десяток стен. Рэндол не замедлил бега, лишь голову пригнул, сберегая глаза. Крик доносился отчётливо, словно не на третьем этаже кричали, а под самым ухом.

Разумеется, это не мог быть обычный пожар, от случайности или злонамеренного поджога. Тут явно не обошлось без волшебства недавнего гостя. Но об этом Рэндол не думал. Когда всё решают секунды – не до размышлений. В детскую он ворвался, опередив пламя совсем ненадолго. Няньки в комнате не было, а сыновья жались в углу, не у окна даже, а там, где стояли кровати, как будто набитый шерстью тюфяк (Рэндол не признавал перин) может защитить от огня.

Ударом локтя Рэндол вышиб раму – мелкие стёкла с неслышным звоном посыпались вниз – выглянул во двор. Высоко... третий этаж, больше пятнадцати ярдов. Один он бы спрыгнул, но с детьми на руках...

Почуввав приток свежего воздуха, в галерее загудел огонь. Решаться нужно немедленно.

Рэндол сорвал с окна портьеру, быстро, словно не живого ребёнка, а вещь вертел, завернул в неё младшего сына, придерживая левой рукой, вскинул на плечо, другой ухватил ладонь старшего из мальчиков.

– Бежим! Вдохни воздуха и постарайся не дышать!

Бледный Робин послушно кивнул. Он уже взял себя в руки и рядом с отцом не боялся даже огня.

Рэндол набрал в грудь чадного воздуха и рванулся в коридор, где всю хозяйничало пламя. Робин бежал, что есть мочи, понукать его не приходилось.

На малой лестнице, соединявшей этажи левого крыла, огня видно не было, зато снизу, словно из печной трубы тянуло горячим дымом, летели искры и хлопья сажи. Робин, который, конечно, не мог не дышать так долго, закашлялся и упал, едва не вырвав ладонь из отцовской руки. Перси, закутанный в портьеру, давно уже заходился хрипящим кашлем. Рэндол приостановился на мгновение, подхватил потерявшего сознание Робина, зажал его под мышкой и нелепой побужкой припустил дальше. На нижнем этаже ввалился в первую попавшуюся дверь, захлопнул её, затравленно огляделся. Это оказалась буфетная. Чудовищно нелепо на фоне общей гибели гляделись резные шкафы и буфеты, расставленное под стеклом фамильное серебро и драгоценный китайский фарфор.

Смертельно хотелось вдохнуть воздуха, но угар был и здесь, а вышибить окно не удавалось: окна буфетной были забраны стальными решётками.

Рэндол опустил детей на пол, с невнятным рычанием ухватил пудовую менажницу из литого серебра и обрушил её на решётку. Второй удар! Третий!.. Решётка прогнулась, посыпалась извёстка. Рэндол ухватился за прутья, рванул, рискуя порвать связки на руках. Решётка вылетела из расшатанных гнёзд. Одним ударом Рэндол вынес раму с мутными квадратиками старинного стекла, прижал к себе бесчувственных детей и прыгнул вниз.

Замок это не крестьянский дом, куда можно влезть, просто перешагнув подоконник. Здесь легко убиться, прыгнув на брусчатую мостовую даже с первого этажа. Выложенная камнем земля больно ударила по ногам, но даже в эту минуту Рэндол не выпустил детей. Шипя от боли, он заковылял в сторону от гибнущего дома.

– Вильгельм!.. – леди Рэндол бежала к нему.

Рэндол опустил сыновей на землю. Голова Робина безвольно запрокинулась, лицо пугало густым синюшным цветом, глаза закачены, лишь белки слепо глядят в небо.

– Врача! Пошлите в город за доктором!

Дрожащими руками Рэндол размотал тряпку, в которую был укутан Перси. И вновь – тёмно-синее лицо, слепые закаченные глаза. Изо рта в рот он пытался наполнить грудь ребёнка воздухом, заставить его дышать. Потом, уступив место жене, повернулся к старшему сыну, тряс его, хлопал по щекам, растирал уши...

– Ну, где же доктор?! За доктором послали?

– Вильгельм, – тихо позвала леди Рэндол. – Они оба мёртвые. Зачем им врач?

Она сидела на мостовой, прижимая к себе младшего сына, словно собираясь кормить его грудью. Ни у Робина, ни у Перси, не было кормилиц, противу всех обычаев, леди Рэндол сама выкармливала сыновей. И вот теперь она сидела, переводя удивлённый взгляд с детей на мужа. Потом вдруг улыбнулась, жалко и беспомощно:

– Наши мальчики умерли. Как странно...

* * *

До чего быстро сгорают даже самые прекрасные дворцы и грозные крепости! Через каких-то три часа от замка Рэндол остались дымящиеся развалины. Провалилась крыша, рухнули перекрытия, местами обвалились даже внешние стены, хотя и не такие мощные, как у старых боевых замков, но всё же вызывающие уважение. И лишь древняя башня вопреки всему продолжала торчать невредимой, хотя на самом деле там было чему гореть. Но всё же, пламя, облиставши стены и пожрав плети засохшего плюща, не тронуло ни деревянных перекрытий, ни прогнивших балок, ни мусора, скопившегося внутри. Как и обещал чародей, башня сохранилась в целости. Остальной замок превратился в почерневшую руину, которая ещё несколько суток будет куриться, отравляя чадом окрестности.

Хотя слуг в замке Рэндол было немало, удивительным образом все они сумели спастись. Несомненно, тут не обошлось без чародейства – мстительный маг бил безжалостно точно, не дозволив лорду разбавить горе по умершим сыновьям огорчением при мысли о погибших слугах. Зато небольшое имущество, что удалось вытащить из здания, всё равно погибло или было безнадежно испорчено летящими головнями. Разве что коней из сгоревшей конюшни сумели отогнать. Как бы то ни было, лорд был практически разорён, ибо земель Рэндолы имели немного, а крестьян род Рэндолов традиционно не притеснял. Впрочем, сейчас разорение волновало лорда меньше всего. Если бы он мог, – уехал, чтобы никогда не возвращаться на старое пепелище. Отправился бы искать злого волшебника Эхоу – хотя кто знает, своим ли именем представился приبلудный маг? Конечно, всякий знает, как опасно и бессмысленно мстить волшебникам, но что ещё оставалось лорду Рэндолу?

Оставалась Беатрис, леди Рэндол, которую с большим трудом сумели увести от рушащихся стен.

Прикативший из города врач осмотрел тела погибших мальчиков, попытался успокаивать мать, а самому Рэндолу сказал, качая головой, что время всё лечит, что никогда нельзя отчаиваться, а, напротив, следует надеяться, что разум, быть может, вернётся к несчастной Беатрис, что лучше всего увезти её отсюда, развлечь дальним путешествием, но если женщина откажется уезжать, то настаивать не нужно, что сам Рэндол и его супруга ещё не стары и могут завести новых детей, что жизнь не кончена, что... что... что...

Уехал доктор, не взяв никакого гонорара, и этот необычный поступок больше всего убеждал, что жизнь кончена.

Ни о каком путешествии Рэндол не заговаривал, понимал, что Беатрис можно увезти отсюда, только связав по рукам и ногам. Даже в деревню, где для лорда приготовили помещение в лучшем из домов, она отказалась идти. Молча бродила мимо пожарища, улыбалась неживой улыбкой, повторяла покачивая головой:

– Как странно!

Куда делась ночь и весь следующий за пожаром день, Рэндол припоминал с трудом. Лишь когда стемнело, он уговорил Беатрис зайти под крышу, в ту самую, трижды проклятую башню. Там в колодце цокольного этажа оставалось единственное их имущество: древняя мебель, предназначенная, кажется, не для жизни, а для умерщвления плоти, старая посуда, принесённая по просьбе волшебника из людской, ветхое, негодное к носке платье. Обустроившись в башне, чародей поначалу специально просил всё самое худшее. Видно уже тогда знал, чем закончится его проживание в замке, и тщательно готовил грядущую месть.

Рэндол спустился в башню первым, поставил на стол свечу, помог спуститься Беатрис. Потом наклонился и поднял скомканную записку. Он дословно помнил, что было написано там, но всё же разглядел бумагу и перечитал:

«Возвращаю тебе твою башню в целости и сохранности. Живи в ней».

Рэндол закричал зубами, хотел изорвать поганую писульку, но вдруг увидал, как внизу, где не было подписи, проступают новые слова. Теперь последнее предложение гласило:

«Живи в ней вместе со своей безумной женой идохлыми детьми».

А следом – шикарный, на пол-листа росчерк.

Это было уже слишком для живого человека. Неведомо, что сделал бы Рэндол, или что случилось бы с ним, но в этот самый миг Беатрис, бесцельно взошедшая на приступку для стрелков и глянувшая сквозь бойницу, тревожно воскликнула:

– Дым! Вильгельм, в доме пожар!

Разумеется, над развалинами было ещё довольно дыма, так что помрачённому сознанию Беатрис могло померещиться что угодно, но сила повторенных слов была так велика, что Рэндол, не раздумывая, метнулся на улицу. Снова под ногами скрипучая лестница на второй этаж, затем каменная винтовая – во двор.

Больно ударившись о косяк, Рэндол вырвался из башни и увидел, что его дом горит. Он был совершенно цел, словно два дня назад: все три этажа и четырёхъярусная дряхлая башня, прислонённая к новому зданию. На третьем этаже левого крыла мирно светилось окно, а из дверей парадного входа валил жирный удушливый дым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.